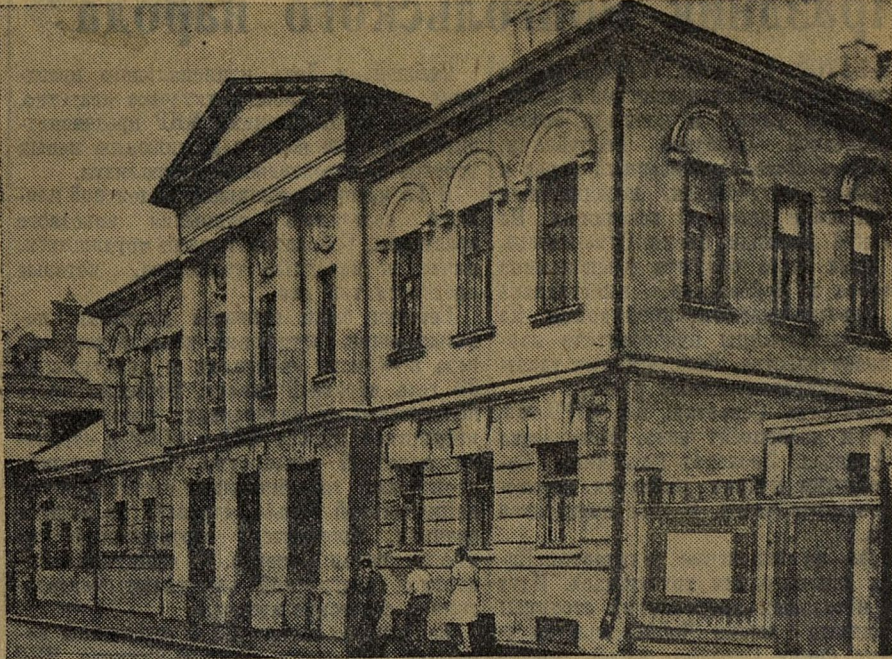

13 ИЮЛ 1954

г. Москва

Газета №

На снимках: слева — дом на Садово-Кудринской, в котором открывается мемориальный музей А. П. Чехова; справа — дом на Якиманке, в котором А. П. Чехов жил в 1886 году.

Снимки Б. Ярославцева.

Встреча с Чеховым

...Пройдет немного дней, и с чувством хорошей русской гордости мы переступим порог этого старого московского дома: двухэтажный, невзрачный, немного нелепый, повернутый почему-то к улице боковым фасадом с двумя выступами на нем — ну как не узнать тот самый особнячок на Садово-Кудринской, «похожий на комод» с выдвинутыми ящиками?!

Итак, вот здесь, в этих стенах, жил, дышал, улыбался, работал замечательный русский писатель и человек.

Вот тут — «левое окно внизу», по определению кого-то из друзей-современников, — была его спальня.

А рядом — кабинет... Вот его письменный стол — тот самый, что стоял здесь 64 года тому назад.

На столе — чернильный прибор (как часто тянулось к нему перо неутомимого труженика и мастера слова!). Старомодное пенсне в оправе. Университетский значок (ведь он был питомцем нашего, Московского университета...). И здесь же — металлическая гравированная доска:

«Доктор А. П. Чехов».

Когда-то и она, прибитая у входа, была неперменной принадлежностью этого дома, хотя и становилась постепенно ненужной: доктор Чехов к тому времени уже успел стать профессиональным, признанным, всероссийским писателем.

И это становление великого таланта происходило именно в те самые годы: 1886—1890. И именно здесь — в «доме на Кудринке».

Уже оставались позади времена упорной студенческой учебы, изнурительной журнальной поденщины. Кончилась первая, вступительная, глава чеховской литературной биографии: период «Стрекозы» и «Осколков», сатирических обзоров, злободневных «куплетцев», забавных юморесок. На смену популярному московскому фельетонисту «Антоне Чехонте» пришел молодой русский писатель, талантливый новеллист Антон Павлович Чехов.

Сюда, в этот дом, пришла к Чехову всероссийская слава. А с нею вместе и обостренное чувство писательской ответственности, глухое внутреннее беспокойство, недовольство своим творческим делом — все те сомнения и вопросы, что прорывались в чеховских письмах тех лет:

«Для кого и для чего я пишу?.. Делом я занимаюсь или пустяками?»

Впрочем, с внешней стороны жизнь Чехова в этот период представляется вполне благополучной. По свидетельству брата писателя, Михаила Павловича, эти годы «были какими-то необыкновенными по душевному подъему... Он (Чехов) всегда был весел, шутил много и без усталости работал».

Можно смело добавить: и без усталости думал, думал — о чем?

О русской жизни: какова она есть и какой она могла и должна бы быть... И он заговорил об этом словами, полными поэтической инсказательной мудрости:

«А ведь счастья много, так много... что его бы на всю округу хватило... Есть счастье, да нет ума искать его» (рассказ «Счастье»).

Эти слова, по справедливому замечанию одного из советских литературоведов, «можно считать своего рода эпиграфом ко всему творчеству Чехова». Через весь его творческий путь пройдет эта тема счастья — точнее тоски о настоящем человеческом счастье, о будущей прекрасной, разумной и чистой жизни для всех, кто живет и трудится на земле.

Именно отсюда, из этого уголка старой, дореволюционной Москвы, начинается Антон Павлович Чехов свой «большой» разговор с читателем — разговор глубокий и тревожный, исполненный непримиримой честности и чистоты, согретый взыскательной любовью к людям и верой в завтрашний день своей родины, в грядущее счастье народа.

...Вот почему среди множества «чеховских» адресов в Москве нет более подходящего места для мемориального музея А. П. Чехова, чем этот дом № 6 по Садово-Кудринской улице, где Государственный литературный музей открывает большую выставку к памятной дате 50-летия со дня кончины писателя.

И все же: музей — это только начало нашей «встречи с Чеховым»...

Нет в стране другого города, который был бы до такой степени «чеховским», как Москва.

И не только потому, что, не будучи москвичом по рождению, Чехов, по словам его брата, полюбил Москву, «как настоящий москвич... полюбил ее климат, ее людей». Москва является «чеховским» городом прежде всего потому, что на протяжении многих лет именно она питала Чехова-художника обилием жизненных впечатлений и опытом.

На московском фактическом материале, на «осколках московской жизни» (как назывались чеховские обзоры в «Стрекозе») шифровался сатирический талант молодого Чехова.

Многие чеховские рассказы «топографически» привязаны к определенным улицам и районам Москвы — с прямым указанием «адреса»: Николаевский (Октябрьский) вокзал или захудалая парикмахерская у Калужских ворот, глухие переулки Арбата или Сокольники, «Благородное собрание» (ныне Дом союзов) или ресторан «Славянский базар»...

Из московской действительности черпал Чехов сюжеты многих своих художественных произведений. Даже известный его рассказ «Смерть чиновника» основан на действительном случае, происшедшем в свое время в Московском Большом театре.

А, например, место действия чеховской «Свадьбы» может быть указано с полной достоверностью: этот дом и поныне существует на Якиманке под номером 45. Здесь, в квартире на первом этаже, жил одно время сам Чехов; верхний же этаж дома занимал некий замоскворецкий кухмистер, славивший свой зал под купеческие поминки и свадьбы.

...Как же не назвать Чехова москвичом?! Он дышал тем же воздухом родного Подмосковья, которым дышим мы; он любил, как и мы, наши ясные подмосковные дали и тихие зори. Он любил наш великий город. Он ходил вот по этим самым улицам и бульварам. Живал вот в этих самых домах...

**

Неподалеку от Трубной площади, на взгорье, параллельно Цветному бульвару, тянется улица. Когда-то, говорят старожилы, была здесь липовая роща, излюбленная московскими градами. Оттого и место называлось Грачевкой.

Окест по всей улице теснились убогие домишки — все на одно лицо: деревянные, двухэтажные, с подвальными квартирами, заселенными многочисленной беднотой и угловыми жильцами. А рядом, на «Трубе», шумело бойкое, пестрое торжище. В те времена это был один из классических районов старой, трущобной Москвы.

Ни рощи, ни рынка, ни трущоб тех, понятно, уже нет и в помине... Только в самом конце, на правой стороне Трубной улицы, пока еще дожидаются сноса 2—3 уцелевших ветхих домика. Да около них во дворе чудом сохранилась старая-престарая липа.

Может быть, эту липу — еще молоденькой и стройной — видел 19-летний Антон Чехов, когда осенью 1879 г. по окончании гимназии он приехал в Москву, к семье, ютившейся на Грачевке в подвале вот такого же неказистого домика. В квартире этой, по воспоминаниям брата писателя, «пахло сыростью и через окна под потолком виднелись одни только пятки прохожих».

Впрочем, сам Чехов прожил здесь очень недолго. Той же осенью семья переехала на другую, более сносную квартиру — по той же улице через дорогу: дом № 23, во дворе, второй этаж.

Вот он, этот флигель! — Здесь жил Чехов. Здесь он стал москвичом, студентом, журналистом. Именно в этом доме были написаны те две первые вещицы, которые в 1880 г. напечатала петербургская «Стрекоза». Вот из этого дома, пробираясь переулками к Трубной площади, ходил на лекции в университет студент медицинского факультета Антон Чехов.

Так живо представляешь себе молодого Чехова... Вот он проходит, неторопливо и пристально наблюдая типы и нравы пресловутой «Трубы» — все то, что он опишет впоследствии в своем красочном очерке «В Москве на Трубной площади».

Вот зимним вечером выходит он на московский бульвар — и, может быть, в эту самую минуту рождается в его душе тот поэтический образ, который через несколько лет (там, в особняке на Кудринке) раскроется, расцветет в знаменитое описание первого московского снега — поминки?

«В воздухе пахло снегом, под ногами мягко хрустел снег, земля, крыши, деревья, скамьи на бульварах все было мягко, бело, молодо... и в душу вместе со свежим, легким морозным воздухом просилось чувство, похожее на белый, молодой, пушистый снег» («Припадок»).

В том же рассказе Чехов гневно пригрозил к позорному столбу старую Москву за безграничную мерзость пресловутого «С-ва переулка» — улицы публичных домов, принадлежавших купцу Соболеву.

Став москвичом, Чехов сразу же разглядел страшную социальную изнанку буржуазно-капиталистической Москвы: «Едва вышел на улицу и стал наблюдать... то жизнь — ужасна», — отмечает он в записной книжке. — «Окрестности Патриарших прудов на вид тихи и мирны, но на самом деле жизнь в них — ад».

На протяжении всей своей писательской деятельности — с первых «смешных» фельетонов до больших сумрачно-печальных «Московских» повестей («Три

года», «Попрыгунья» и др.) — Чехов не переставал с гневом и болью обличать отрицательные и отталкивающие стороны современной ему московской жизни, московского общества: мещанство и обывательщину, гнетущую атмосферу купеческого быта, никчемность и пустоту богемствующей интеллигенции и т. д.

И в то же время с какой убедительной простотой сумел Чехов показать сущность «московского» патриотизма хороших русских людей того времени, таких, как Ярцев и Костя в повести «Три года»: оба они (а с ними и Чехов) «обожают» Москву... «были убеждены, что Москва — замечательный город, а Россия — замечательная страна».

Как все великие русские писатели, — как до него Пушкин и Лермонтов, Белинский, Лев Толстой и Островский, — Чехов всем существом ощущал Москву как «сердце России», как духовный центр народной жизни, национальной истории и культуры. В Москве воплощались для Чехова весь свет и весь мрак современной ему русской жизни, весь трагический разлад между действительностью и возможностью, между тем, чем была и чем могла бы быть его Родина.

И, словно провидя грядущее сквозь убогий облик окружающей его старой Москвы — Москвы булыжных, ухабистых мостовых, керосиновых фонарей и безбашенных конки, — Чехов вкладывает в уста москвича, литографа Самни, героя своего предсмертного рассказа «Невеста», слова, как бы перекликающиеся с будущим, с сегодняшним днем:

«Главное — перевернуть жизнь, а все остальное не нужно... Все полетит вверх дном, все изменится, точно по волшебству. И будут тогда здесь громадные, великолепнейшие дома, чудесные сады, фонтаны необыкновенные, замечательные люди»...

...Все изменилось вокруг старых «чеховских мест»!

«Чудесным садом» стал сегодня Цветной бульвар — от Трубной площади до Садового кольца раскинулся его зеленый, затканый цветниками ковер.

«Громадные, великолепнейшие дома» поднялись на бывшей Тверской, на месте стоявших здесь когда-то «мадрифов» и «лувров» — старомосковских гостиниц и меблированных комнат, в которых бывал и сам Антон Павлович.

А вот «необыкновенный фонтан»: разноцветными струями светится он в сумерках московского летнего вечера, бросая теплые пестрые блики на задумчиво склонившуюся бронзовую фигуру великого поэта, которого так любил Чехов. Теперь они стали совсем «соседями»: отсюда, от площади Пушкина, начинается улица, которая с полным основанием названа улицей Чехова. Вдоль на ней три чеховских дома — №№ 11, 12, 29...

А вот и прославленный театр, на занавесе которого реет чеховская «чайка». Этой поэтической чеховской птице суждено было стать как бы предтечей гордого и смелого горьковского «буревестника» — символа русской революции.

Чехов устами своих героев утверждал со все возрастающей убежденностью, что «мы живем накануне величайшего торжества»; что вокруг «все давно уже составилось, отжило и все только ждет не то конца, не то начала чего-то молодого, свежего. О, если бы поскорее наступила эта новая, ясная жизнь!» («Невеста»).

И как хотелось Антону Павловичу «дожить, самому участвовать!» Вещий голос Чехова оборвался на полуслове... Он не дождался, не дождал, хотя «величайшее торжество» и пришло не «через какие-нибудь 25—30 лет», как этого ждали чеховские герои, а гораздо раньше.

Пришли другие «замечательные люди», о которых тосковал и которых предчувствовал Чехов. И всё изменили — «как по волшебству»! Вот она вокруг нас, та «новая, ясная жизнь», о которой так страстно, так прозорливо мечтал умирающий Чехов.

Только наша радостная социалистическая эпоха раскрыла во всей подлинности светлый и мудрый облик Антона Павловича Чехова — замечательного писателя и «настоящего человека».

Чехов близок и дорог современному советскому читателю, дорог народом братских демократических стран, всем простым людям, всему прогрессивному человечеству. Недаром полувековая годовщина чеховской смерти, по решению Венской сессии Всемирного Совета Мира, будет отмечена передовыми людьми во всех концах земли.

В эти дни всенародной «встречи с Чеховым» мы видим в нем нашего вечно живого друга и спутника, духовного современника той великой эпохи, когда, говоря его же словами, каждый человек может «прямо и смело смотреть в глаза своей судьбе, созавать себя правым, быть веселым, свободным» и «знать, для чего он живет».

Вл. ХОЛОДКОВСКИЙ.